

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА
МУЗЕЙ Г.Р. ДЕРЖАВИНА И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ЕГО ВРЕМЕНИ

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК 1

Сборник научных докладов

«Дорн»
Санкт-Петербург
1997

С.А.Давыдов
**ТЕНЬ ДЕРЖАВИНА
НАД «БОЛДИНСКОЙ ОСЕНЬЮ»**

Если тебя уже нет на свете, то, тень
возлюбленная, кланяйся от меня Державину
и обними моего Дельвига.

А.С.Пушкин П.А.Гаврилеву, 11 апреля 1831 года

«Повести покойного И.П.Белкина» были первой законченной и опубликованной прозаической работой Пушкина, а «Гробовщик», написанный первым из пяти повестей, может считаться пушкинским официально дебютным прозаическим произведением. Новопоэтический прозаик возвращается к своим первым поэтическим шагам в Липее и в «Арзамасе», к поэтическим темам, жанрам, друзьям и наставникам своей юности. На пути от поэзии к «суровой прозе» Пушкин воскрешает в «Гробовщике» старую метафору смерти как новоселья, замствования из его ранних стихов¹. Появление православных мертвецов на жутком новоселье в «желтом доме» Адриана переключается с веселыми замогильными тенями, которые обитали в юношеских бурлесках Пушкина, таких, как «Городок» или «Тень Фонвизина». В «Городке» (1815) поэт празднует новоселье с призраками писателей, похороненных на «кладбище» его книжной полки. В «Тени Фонвизина» (1815) покойный драматург восстает из могилы, чтобы провести ночной смотр на русском Парнасе, и находит положение дел плачевным. Сопровождаемый Меркурием, Фонвизин посещает почти уже выжившего из ума Державина, который встречает своих посетителей выпрепной трагедией на собственный «Гимн лиро-эпический». Покинув Державина, Фонвизин восклицает: «Какое чудное явление!», а Меркурий отвечает: «Но, ах, почто так долго жить!». Державин скончался в следующем году (Пушкинские слова о Василии Львовиче: «Бог знает чем и за чем он живет и последовавшая за этим смерть дяди повторяют это роковое совпадение»).

Смерть Державина отразилась в «Гробовщике» самым любопытным образом. В 1816 году Дельвиг отметил это событие сти-

¹ «Когда ж пойду на новоселье (Заснуть, ведь общий всем удел)» («К Н.Г.Домосову», 1814), или «Не путь ли нас, милый друг, / Гроба близкий новосельем» («Кривцову», 1817). Метафора дожила до 1830-х годов: «Но долог будет сон гостей // На тесном, хладном новоселье» («Боролдинская годовщина», 1831).

хотворением «На смерть Державина», в котором он использовал оба образа, появившихся потом на вывеске гробовщика:

Державин умер! Чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
...Амура забыли печальные...
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин!

Конечно, сам Пушкин и возьмет ее. Дельвиговское сравнение покойного Державина с «погасшим факелом» (вспомним и державинские виньетки) обернется на вывеске гробовщика «опрокинутым факелом» в руке Амура, а отзыв Державинской «громкой лиры» прозвучит в эпиграфе: «Не зрим ли каждый день пробов, // Селин дряхлеющих вселенной?». Мотивы Амура и гроба, украшающие вывеску пушкинского соседа Адриана, переключаются с Державиным. Вель согласно Пушкину сам

Державин двух своих соседей
И смерть Мещерского воспеал,
Певец Фемиды быть умеал
Пендом их свадоб, их обедов
И похорон, сменявших пир,
Хоть этим не смущался мир.

«Евсеркий»

Сроки Державина из стихотворения «На смерть князя Мещерского» — «Где стол был яств, там гроб стоит» — Пушкин взял эпиграфом к четвертой главе «Дубровского».

Мemento мог была излюбленная державинская тема. В своих бесчисленных эпиграфах этот «гробовых дел мастер» не оставил обойденной ни одну достопримечательную смерть, не исключая даже «собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти». Державин подбирает виньетки Амуров с опрокинутым факелом как раз для своих эпиграфов.

«Державин» и «смерть» — неразлучные образы в пушкинской поэзии. В болдинскую осень 1830 года Пушкин возвращается к гробу Державина и в стихотворении «Дельвигу»:

Давнясь мы рано оба
На ипподром, а не на торг
Вблужи державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Более известные строки из «Евгения Онегина» — «Старик Державин нас заметил//И, в гроб сходя, благословил» — напоминают о том же событии. Во время переводного экзамена в Лицее (8 января 1815 года) начинающий поэт читал в присутствии Державина одно из своих первых стихотворений «Воспоминания в Царском Селе», блестяще пародирующее великопие державинских од. «Я умер,— воскликнул почти в "арзамаской" манере расстрогаанный Державин, когда мальчик кончил читать.— Вот кто заменит Державина?»² Так на пороге могилы Державин исполнил роль повивальной бабки при рождении поэта, а «Воспоминания...» стали первым стихотворением, появившемся в печати под полным именем Пушкина.

Через двадцать лет Пушкин описал в прозе свою историческую встречу с Державиным. В отрывке «Державин» (1835—1836) новое поколение русской поэзии «отвергло объятия» старого. Умирающий мэтр русской словесности описан здесь в истинно арзамасском духе: «Державин был очень стар. Он был в мундире и плисовых сапогах... Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он *оживился*, глаза заблестели; он преобразился весь... Я прочел мои "Воспоминания в Царском Селе", стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упомянул имя Державина, голос мой оторчески зазвенел, а сердце забилось с упительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении, он меня требовал, *хотел меня обнять*... *Меня искали, но не нашли*».

Очень заманчиво было бы прочесть сцену ночного новоселья из «Гробовщика» в арзамасском ключе: председатель «Беседы любителей русского слова» оживает при звуках эпиграфа: «Не зрим ли каждый день гробов...», и поднимается на этот истинно арзамасский клич из могилы, как Курилкин Адриан, простирает свои объятия новорожденному прозаику. «Желтый дом» проповидка был бы огненной сценой, чтобы оживить этот арзамасский «дохлый номер» в новом ключе. Петербургский дом Державина на Фонтанке, служивший местом встреч «Беседы», находился рядом с домом для умалишенных. В дашковском

² В.П. Гаевский//Современник, 1863, №8: 370; и Глинка Ф.Н. Воспоминание о питательной жизни Пушкина М., 1873. Ср. также приписываемые Державину слова к Сергею Аксакову: «Мое время прошло, теперь ваше время... Скоро придет свету второй Державин — это Пушкин, который еще в Лицее перешел под всех писателей» (Аксаков С.Т. Знакомство с Державиным. 1852. Цит. по кн.: Михайлов О.Н. Державин. М., 1977. С. 290).

(«Чу») описании похорон и воскрешения Державина члены «Беседы» в панике бегут с кладбища и находят убежище в «желтом доме», который по ошибке принимают за державинский? В «Гробовщике» скелет Курилкина сопровождает труп некоего «отставного бригадира». Из пушкинских мертвецов напрашивается на сопоставление «Смиренный грешник, Дмитрий Дарин, Господний раб и бригадир» («Евгений Онегин»), а может быть, и сам автор «Бригадира» («Евгений Онегин»), а может быть, и сам автор «Тени Фомыязина» (1815) и чьи слова из «Недоросля» Пушкин взял эпиграфом к «Повестям покойного Белкина»:

«— Видишь ли, Прохоров, — сказал *бригадир* от имени всей честной компании, — все мы поднялись на твоё приглашение: остались дома лишь те, которым уже немочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи, но и тут один не утерпел — так хотелось ему побывать у тебя...»

В эту минуту маленький скелет продавался сквозь толпу и приблизился к Адриану. Череп его ласково улыбался гробовщику. Ключки светло-зеленого и красного сукна и ветхой холстины кое-где висели на нем, как на шесте, а кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах.

— Ты не узнал меня, Прохоров, — сказал скелет. — Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому, в 1799 году, ты продал первый свой гроб — и еще соновый за дубовый?

С сим словом мертвец *проспер ему костяные объятия*, — но Адриан, собравшись с силами, закрычал и *оттолкнул его*. Петр Петрович пошатнулся, упал и весь рассыпался.

В арзамасском ключе это место надлежало бы читать следующим образом: начинающий поэт/гробовщик А.П. «продал» Державину (Курилкину) свое первое стихотворение (гроб, то есть блестящую подделку истинной оды — дубового гроба). В 1815 году приятно пораженный Державин воскликнул: «Я не умер!» — и обнял пустое пространство. Воскрешший через пятнадцать лет в Курилкине, он простирает руки, чтобы поздравить дебют Пушкина в прозе и новую мастерскую Прохорова. Оба «А.П.» справляют в «желтом доме» своего рода новоселье. Ремесленник Прохоров физически отталкивает скелет Курилкина, прозаик Пушкин отталкивает Державина фигурально, помещая его в элегические «седины», «гробы дряхлеющей вселенной» в такое

³ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 201. Ср. также с эпиграмом И.Вяземского («Аксаков») по этому же случаю: «Когда Державин пред концом//Своей дом не отказал беседникам в наследство,//Он знал их твердые права на желтый дом//И прочил им соседство». Там же.

неподобающее место как лавка гробовщика: «В кухне и гостиной поместилась издешняя хозяйина: пробы всех цветов и всякого размера⁴. Переход Пушкина от поэзии к прозе в «Гробовщике» сопровождается рядом подобных гротескных принижений поэтической нормы: классический образ Амура сведен к прозаической торговой вывеске, покойный пьет Державин — к скелету, а вдохновенный писатель Пушкин — к мрачному ремесленнику.

Преображение Державина в Курилкина заслуживает еще одного комментария. Классическая метафора «погашшего факела», использованная Дельвигом в 1816 году для умершего поэта («На смерть Державина»), перекочевала на вывеску гробовщика. В свою очередь, этот «факел» отбрасывает любопытный свет на фамилию скелета. Фамилия Курилкин происходит от «Курилки», курящейся лучины. Иными словами — это факел в миниатюре. Воскрешение Курилкина напоминает также о русской поговорке «Жив Курилка», употребляемой, когда что-то, ушедшее в небытие, назойливо возвращается. Это присловие, напоминающее о державинском восклицании «Я еще не умер!» и пушкинском — «Но, ах, почему так долго жить!» («Тень Фонвизина»), восходит к старой гадальной песне, которую Пушкин использовал в эпиграмме на Каченовского: «Жив, жив, Курилка!» (1825)⁵. Метаморфоза «погашшего факела» (дельвиговская метафора Державина) в «отпрокинутый факел» на вывеске гробовщика, а затем в Курилкина, выдержана в том же гротескном духе, что и другие прозаические принижения в повести⁶.

⁴ За прозаическим фасадом пушкинского предположения Державин, скорее всего, узнал бы и другую свою знаменитую поэтическую строку: «Где стол был аств, там проб стоил» из стихотворения «На смерть князя Мещерского» (1779). Эта строка взята Пушкиным эпиграфом к четвертой главе «Дубровского».

⁵ «Как! жив еще Курилка журналист? — Живехонек! все так же сух и скумен... — Фу! Надоел Курилка журналист! Как запасаит виночку положена гадальная песня «Жив, жив Курилка. Жив, жив, да не умер. У нашего курилки ножки тоненьки. Душа коротенька». Гадальные поют эту песню, перебая зажатую лучину. Желания исполняются у тех, кто допоеет песню прежде, чем погаснет лучина. См. «Курить» у В. Дала.

⁶ В тех же «Воспоминаниях» Пушкин описывает другой неприятный эпизод, связанный с Державиным, который по духу своему напоминает принижения вышесказанного в прозаическое в «Гробовщике». Ожидая приезда Державина в Липец, Дельвиг решил «поцеловать руку, написавшую «Водопад»». Когда Державин, наконец, прибыл, его первые слова были: «Где, братец, здесь нужник?», после чего маленький барон потерял охоту целовать руку пушкинских сниженных в прозе высоко поэтического канона, обязав Державина и в другом смысле. По-молву, не только эпиграф, но и сама сущность этих принижений заимствована у Державина, чей гений «ей-богу... думал по-татарски» («Дельвигу, 1—8 июля 1825») и который в своей экзистенциальной жизни и некустве «помал канониз, как *варвар*» (Томашевский В. Пушкин. М., Д., 1961. Т. 2. С. 347). Гоголь примерно в тех же выражениях оценивал поэтическую дерзость Державина. Комментирова строки из «Аристипповой бани»: «И смерть, как

Эти кагамбурные метаморфозы в «Гробовщике», которые могли позабавить друзей Пушкина, не должны, однако, заслонить более серьезной стороны повести. Хотя Пушкин и завил однажды Дельвигу, что державинское наследие, за исключением каких-то восьми од да нескольких отрывков, следует предать огню, мне кажется, что «Гробовщик» — не просто шалость для развлечения приятелей, в которой веселый арзамасец почти-точно жжет *Курилку* вместо фамилии покойному питу. Обращение Пушкина в «Повестях Белкина» к Державину, так же как и к другим писателям минувшего века: к Фонвизину (эпиграф к «Повестям»), к Богдановичу (эпиграф и частично сюжет «Барышни-крестьянки»), к Дмитриеву (в «Санционном смотрителе»), объясняется особым отношением Пушкина к родившему его столетию, отношению, в котором переплетаются и признание, и отрицание, и любовь, и нелюбовь.

В XIX веке уже было указано, что «в Пушкине есть одна мало заметная черта, — по структуре своего духа он обращен к прошлому, а не к будущему»⁷. Мнение, что Пушкин — «завершитель, а не начинатель» повторяли формалисты⁸, и в более позднейшей формулировке оно прозвучало у А. Синявского: «Пушкин — золотое сеечение русской литературы. Дав литературу реальный толчок в будущее, он сам был отброшен назад и выполняет в ней скорее роль последнего расцвета прошлого, к которому русская литература возвращается, чтобы омолодиться себя»¹⁰.

постью, оживает, // Крутя, задумавшись, усы», Гоголь восклицает: «Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?» («В чем же, наконец, сущность русской поэзии и в чем ее особенность». Гоголь Н. В. Собрание сочинений. Т. 1-6. Т. 1. С. 1959. С. 165).

⁷ «Кувир Державина, 1/4 золотой, 3/4 свинцовый, доньяне еще не оценен. Ода к Феице стоит наряду с «Вельможей», ода «Бог» с одой «На смерть Мещерского», ода к Зубову недавно открыта. Книжкин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов. Дмитриев также... Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж.Б. Руссо» (Письмо А.А. Бестужеву). «Милый мой, увидя Отца некрологе Озерову обрадовался с державинскими сединами» с типичной арзамасской непотоптливостью. «Давно ли Музы отечества оплакивали смерть поселевшего в славе любимаца своего, Державина... Державин совершил свое поприще и загладил последнюю дань природе в те лета, в которые человек переносит уже важнейшую утрату — утрату всего того, что, так сказать, живого было в жизни» (Вяземский П.А. О жизни и сочинениях В.А. Озерова. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 213).

⁸ Шкловский В. Литература вне сюжета // О теории прозы. М., 1929. С. 242.

⁹ «Пушкин — не начало, а конец длинного пути, пройденного русской поэзией XVIII века» (Эйхенбаум Б. Проблемы поэтики Пушкина (1971) // О поэзии.

¹⁰ Синявский А. (Абрам Терц) Прогресси с Пушкиным. Лондон, 1975. С. 89.

Эти частично справедливые утверждения нуждаются в существенной оговорке, в которой налжежит отдать долг тому новаторству и остроумию, с какими Пушкин претворил унаследованную литературную традицию во вдохновенное произведение современного искусства. Именно в плане переоценки покойных литературных предков, в частности Державина, следует искать более глубокий литературный смысл пушкинской комической повести и ее символы. Но очевидным это становится только, если взглянуть на XVIII век сквозь двойную пушкинскую призму признания и отрицания. Поэтому, воскрясив в «Гробовщике» столько раз отпетого Державина, Пушкин действует, по-моему, не только согласно веселой арзамасской клише своего дяди: «Мы вечно будем отпевать их», но и согласно пронипательному шульцевскому каламбуру: «Живой без сапот обойдется, а мертвый без гроба не живет». Таким образом, в «Гробовщике» ремесленник-художник А.П. смастерил достойный «гроб» старику Державину, чтобы через пародию вызвать тень его к жизни.

Тень Державина в самом деле простиралась над бессмертной болдинской осенью 1830 года. Весь этот вдохновенный сезон (с 3 сентября по 28 ноября) обрамлен двойным мементо моти, связанным с Державиным. Первое мементо — сам «Гробовщик», написанный в самом начале осени (9 сентября) и начинающийся державинскими строками («Не зрим ли каждый день тробов...»), второе мементо — завершающее сезон четверостишие, написанное Пушкиным (26 ноября) в альбом своего соседа Д.А. Остафьева, героя кампаннии 1812 года:

Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей,
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...¹¹

Эти слова не принадлежат Пушкину — это предсмертные строки Державина, написанные мелом на грифельной доске и давно уже стертые. Через несколько лет, в одном из своих последних стихотворений, Пушкин увековечит другие бессмертные строки Державина:

¹¹ Рукко: Пушкина (Ред. М.А. Цвяловский, Л.Б. Молзалецкий, Т.Г. Зенгер), Академия, 1933. С. 667. Неточность в первой строке — пушкинская. Полный текст державинского последнего стихотворения содержит акростих, читающийся сл.: «Р-у-н-а, ч-т-н-а» (замечено Morris Halle).

Так! — весь я не умру, но часть меня боладыя,
От гнева убежав, по смерти станет жить, —

в своем знаменитом «Памятнике».

На этом самом отвлеченном уровне повесть «Гробовщик», написанная в Болдино, когда поэт, окруженный холерой морбус, был озабочен мыслями о предстоящей свадьбе и преследуем духами умерших поэтов, представляется мне некой многогранной призмой, сквозь которую жизнь и смерть преломлялись в искусство, собственное поэтическое прошлое — в прозу настоящего, а мрачное дело ремесленника «А.П.» — в «веселое гробокопательство» художника «А.П.». Каламбурная вывеска гробовщика, символически объединяющая четыре остальных «Повести покойного И.П. Белкина», отражает в свою очередь и собственный пушкинский «роман» с литературой прошлого века. Учитывая все эти многочисленные уровни значения, можно заключить, что пушкинский вдохновенный дебют в прозе — настоящий литературный «пир во время чумы».

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
— Бессмертья, может быть, залог!
(И счастливы тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.)¹²

¹² Настоящая статья появилась первоначально в английском варианте под названием «Pushkin's Metu Undertaking and The Soufflake» в Slavic Review, vol. 44, No. 1 (1985), pp. 30—48.